

Исповедь молодой девушки

В тот день мадам де Валанжи не могла и представить, чем обернется обычная, казалось бы, поездка в карете. Она помнит, как малышка Люсьена, ее любимая внучка, дремала на руках у кормилицы. Помнит, как лошади вдруг ускорились, разбудив дремавших путников. Помнит, как бросила беспокойный взгляд на сладко спящую внучку. И помнит ужас в глазах кормилицы, когда та почувствовала, что под детским покрывальцем никого нет... Малышка пропала. Но спустя четыре года Люсьена при загадочных обстоятельствах возвращается в семью. Вот только люди судачат о том, что на самом деле это не Люсьена. Лишь когда она превратится в прекрасную юную девушку, тайна ее исчезновения раскроется...

ЖОРЖ САНД

ИСПОВЕДЬ
МОЛОДОЙ
ДЕВУШКИ

GEORGE SAND

LA CONFESSION
D'UNE JEUNE
FILLE

Roman

ЖОРЖ САНД

ИСПОВЕДЬ
МОЛОДОЙ
ДЕВУШКИ

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
2021

ISBN 978-617-12-8517-0 (epub)

Жодну з частин даного видання
не можна копіювати або відтворювати в будь-якій формі
без письмового дозволу видавництва

Електронна версія створена за виданням:

Перевод с французского Елены Соломарской

Дизайнер обложки *Оксана Волковская*

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и издание на русском языке, 2021
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Того дня мадам де Валанжи і гадки не мала, чим обернеться звичайна поїздка у кареті. Вона пам'ятає, як мала Люсьєна, її кохана онука, дрімала на руках у годувальниці. Пам'ятає, як коні раптом прискорилися, розбудивши подорожніх. І пам'ятає жах в очах годувальниці, коли та відчула, що під дитячим покривальцем нікого немає... Мала зникла. Але чотири роки опісля за загадкових обставин Люсьєна повертається в родину. Ось тільки люди пліткують про те, що насправді це не Люсьєна. Лише коли вона стане прекрасною юною дівчиною, таємницю її зникнення буде розкрито...

Санд Ж.

С18 Исповедь молодой девушки : роман / Жорж Санд ; пер. с фр. Е. Соломарской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 512 с.

ISBN 978-617-12-5433-6

В тот день мадам де Валанжи не могла и представить, чем обернется обычная поездка в карете. Она помнит, как малышка Люсьена, ее любимая внучка, дремала на руках у кормилицы. Помнит, как лошади вдруг ускорились, разбудив путников. И помнит ужас в глазах кормилицы, когда та почувствовала, что под детским покрывальцем никого нет... Малышка пропала. Но спустя четыре года при загадочных обстоятельствах Люсьена возвращается в семью. Вот только люди судачат о том, что на самом деле это не Люсьена. Лишь когда она превратится в прекрасную юную девушку, тайна ее исчезновения раскроется...

УДК 821.133.1

ТОМ ПЕРВЫЙ

Господину М. А.

Друг мой, прежде чем принять серьезное решение, к которому вы меня побуждаете, хочу с полной откровенностью рассказать вам о своей жизни и о себе. Мой рассказ будет долгим, точным, подробным, иногда наивным. Я просила у вас разрешения побыть три месяца в одиночестве, чтобы обрести внутреннюю свободу, упорядочить воспоминания и обратиться еще раз к своей совести. Позвольте мне не принимать решения, не высказывать мнения по поводу сделанного вами предложения, пока вы не прочтете этот рассказ.

Люсьена

30 июня 1805 года мадам де Валанжи ехала в своей старой деревенской карете. Это странное сооружение напоминало одновременно коляску, дилижанс и ландо, но тем не менее не являлось ни тем, ни другим, ни третьим. Это был причудливый экипаж, который провинциальные фабриканты изобрели для удовлетворения прихоти покупателей во времена Директории¹, эпохи перемен, колебаний и всевозможных капризов. Поскольку карета была тяжелой и крепкой, она все еще была пригодна к использованию, а мадам де Валанжи не собиралась менять свои привычки. Ей удалось избежать гроз Революции², сидя в своем замке Белломбр, затерянном в горном ущелье Прованса; при этом она по мере сил скрывала свое состояние, довольно небольшое, и принципы — довольно умеренные. Это была чудесная женщина, может, говоря литературным языком, и не слишком высококультурная, но мягкая, сердечная, преданная; интуиция никогда ее не подводила. Не она сдала Тулон англичанам³, не она желала победы иноземцам. И не она взяла Тулон обратно и от всей души желала победы Республике или Империи⁴.

— Я уже стара, — говорила мадам де Валанжи, — и просто хочу жить спокойно; а еще я женщина — и никому не могу желать зла.

Итак, эта прекрасная женщина спокойно ехала в своей карете; рядом с ней сидела крепкая провансальская крестьянка, держа на руках здоровенького младенца — внучку мадам де Валанжи, мадемуазель Люсьену, десяти месяцев от роду. Девочка, которую перевезли в Прованс, родилась в Англии: ее отец, маркиз де Валанжи, женился в эмиграции на ирландке из хорошей семьи. Английский климат оказался губительным для двух их первенцев, умерших в младенчестве. Вот почему почти сразу же после рождения Люсьену доверили французской кормилице и заботам бабушки, которая приехала за малышкой в Дувр и вот уже три месяца благополучно воспитывала ее под южным солнцем. Девочка, хоть и была эмигранткой по рождению и по положению отца, не нарушила своим

возвращением покоя Франции, но ей странным образом суждено было поколебать покой собственной семьи.

Дорога поднималась все дальше в гору. Стояла удушливая жара. Низкая открытая карета двигалась очень медленно; пара старых лошадей тащилась еле-еле, не подгоняемая кучером, крепко спавшим на козлах. Кормилица, увидев, что мадам де Валанжи тоже задремала, прикрыла белой муслиновой шалью Люсьену, спокойно заснувшую раньше всех; вероятно, служанка решила как следует охранять это маленькое сокровище. Но было так жарко, а карета ехала так медленно, что, когда она поднялась на вершину холма, лошади сами пошли рысью, почуяв приятные запахи своей конюшни, и все проснулись. Кучер хлестнул лошадей, чтобы выказать усердие, мадам де Валанжи устремила спокойный доброжелательный взгляд на шаль, укрывавшую ее внучку; однако кормилица, почувствовав, что под шалью ничего нет, что нет ничего у нее на руках и на коленях, с испуганным видом выпрямилась, лишившись от страха голоса. Ее глаза блуждали. Она была ни жива, ни мертва и чуть с ума не сошла от страха. Ребенок исчез.

Кормилица даже не вскрикнула — она не могла вымолвить ни слова. Служанка бросилась на дорогу и рухнула без чувств. Кучер остановил лошадей и, смутно догадываясь, что ребенок, вероятно, выскользнул из рук кормилицы и упал на дорогу, не стал дожидаться приказа растерянной хозяйки и как можно скорее повернул назад. Разочарованные лошади бежали не очень резво. Бедняга кучер сломал кнут об их спины, но не смог ускорить события. Старая дама, вообразив, что способна бежать, выскочила из кареты; кучер, колотя лошадей кнутовищем, обогнал ее. Кормилица, с трудом придя в себя, из последних сил поплелась вслед за мадам де Валанжи. На пыльной дороге не было ни одного прохожего. Не было видно ни единого следа — ветер, всегда сильный в этой местности, давно уже их развеял. Несколько крестьян, работавших неподалеку, прибежали на женский крик и, причитая, бросились на поиски. Больше всех усердствовал кучер, который боялся увидеть ребенка в колее, раздавленного колесами, и рыдал, как добросердечный человек, ругаясь при этом, как язычник.

Однако что ж? Ничего — ни раздавленного ребенка, ни какого-нибудь обломка кареты, ни тряпочки, ни капли крови — ни единого следа, ни единой подсказки на пустынной и немой дороге! В этой местности много больших мельниц и старинных монастырских построек, стоящих на расстоянии двух-трех лье друг от друга, вдоль бурного течения Дарденны. Кучер звал на помощь, колотил себя в грудь, расспрашивал всех, пытаясь выяснить, в каком именно месте он уснул. Никто не смог ответить на его вопрос — настолько все привыкли к тому, что он спит на козлах! Никто из встреченных по дороге людей не заметил, был ли в карете ребенок. Никаких, абсолютно никаких следов. Через несколько часов была поднята на ноги вся округа, от замка Белломбр до хутора Реве, где останавливалась карета мадам де Валанжи и где люди видели девочку у груди кормилицы. Стражи порядка откликнулись не очень скоро, но и они сделали все возможное: обыскали жилища немногочисленных обитателей долины, осмотрели все ямы, все овраги, арестовали несколько бродяг, расспросили всех, кого было можно... Прошел день, потом неделя, месяц, год, но никто по-прежнему не мог хотя бы предположить, что же случилось с маленькой Люсьеной.

¹ Директория (1795—1799) — французское правительство по Конституции 1795—1799 гг., в котором власть принадлежала пяти директорам. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² Речь идет о французской революции 1789 года.

³ Тулон был сдан англичанам в августе 1793 года.

⁴ Имеется в виду Первая империя — период правления императора Наполеона Первого (1804—1814 и 1815).

II

Кормилица впала в состояние буйного помешательства, и ее пришлось держать взаперти. Старый кучер, который страдал от горя и уязвленного самолюбия, стал искать утешения или, точнее, забвения в вине. Однажды вечером, когда Дарденна вышла из берегов, он утонул вместе со своей лошастью. Говорят, маркиз де Валанжи скрывал, сколько мог, от своей жены это мрачное и таинственное происшествие. Узнав же наконец обо всем, она умерла от горя. Маркиз стал мрачным, раздражительным, несправедливым; он поклялся, что его кости не будут похоронены на его неблагодарной зловещей родине. Несмотря на мольбы мадам де Валанжи, он отказался хлопотать о том, чтобы ему позволили вернуться во Францию. Маркиз заявлял, что больше никого и ничего не любит. Он не мог простить матери то, что она не уберегла его единственное дитя. Старой мадам де Валанжи пришлось в одиночестве бороться со страшными ударами судьбы, обрушившимися на ее дом. Она стала чрезвычайно набожной, делала пожертвования и молилась во всех церквях в округе, продолжая надеяться, что чудо вернет ей ее бедную дорогую девочку.

Прошло четыре года. Настал 1809 год. Мадам де Валанжи исполнилось семьдесят лет. Однажды утром к ней подошла бледная женщина, покинувшая приют. Это была Дениза, кормилица, оправившаяся от умственного расстройства, но постаревшая раньше времени и настолько ослабевшая после лечения, что ее едва можно было узнать.

— Сударыня, — сказала она, — мой покровитель, святой Дионисий, трижды являлся мне во снах. Трижды он приказывал мне пойти и сказать вам, что мадемуазель Люсьена вернется. И вот я здесь. Врачи уже давно говорят, что я выздоровела. Однако эти господа, которые ни во что не верят, предупредили меня, что мой разум всегда будет слабым. Поэтому дважды я не прислушалась к голосу своего святого покровителя, но на третий раз не решилась его послушаться. Думайте об этом что хотите, но я считаю, что выполнила свой долг.

Появление Денизы сначала испугало старушку, но, заметив ее смирение, искренность и кротость, мадам де Валанжи успокоилась. К тому же видения кормилицы подтверждали ее неясные сны и упрямые надежды. Мадам де Валанжи столько молилась, столько раздавала милостыни, столько раз участвовала в церковных процессиях, столько заплатила за службы, что ей нельзя было сомневаться в милости Божией. Галлюцинации Денизы она приняла за откровения; старушке хотелось знать, в каком виде являлся кормилице ее святой покровитель, сколько ему лет на вид, как он был одет, какие слова произнес. Дениза была наивной женщиной; ей не хватало воображения. Она не хотела, да и не могла что-либо придумать. Она увидела человека, которого приняла за своего покровителя, услышала слова, сулившие возвращение ребенка, а больше ничего не знала.

Мадам де Валанжи попросила своего врача и своего кюре осмотреть и расспросить Денизу. Врач сказал, что рассудок кормилицы в порядке. Кюре заявил, что душа Денизы чиста и все, что она говорит, правда. Из этого старушка заключила, что видение было настоящим, а обещание подлинным. Она оставила Денизу у себя и возобновила поиски внучки, как будто та пропала совсем недавно.

Это необъяснимое происшествие когда-то наделало в наших краях много шума, но о нем постепенно забыли, и вдруг прошел слух, что внучка мадам де Валанжи нашлась — так же таинственно, как когда-то пропала. Друзья, родственники, зеваки прибежали, чтобы убедиться в этом; они подозревали, что их обманывают, и тем не менее согласны были быть обманутыми. Дениза встречала всех весьма восторженно; она громко восклицала о чуде и сердилась, если кто-то отказывался в него верить. Однако мадам де Валанжи была настроена иначе. Она заявила, что в помощи Провидения нет ничего сверхъестественного и ее дорогую малышку, живую и здоровую, вернули добрые люди, которые ее нашли. Людям хотелось взглянуть на девочку, но мадам де Валанжи не стала ее показывать, заявив, что малышка очень устала после путешествия и взволнована непривычной обстановкой, и в конце концов все разошлись. Одни были уверены, что мадам де Валанжи говорит правду, другие — что у нее есть причины, для того чтобы распустить этот ни на чем не основанный слух.

Лишь двум самым близким друзьям семьи, врачу и адвокату, позволено было на мгновение увидеть Люсьену. Вот что рассказала им мадам де Валанжи.

Одна особа, имя которой старушка не назвала и даже не уточнила, какого она пола, попросила мадам де Валанжи спуститься в Зеленый зал — место в парке, расположенное в овраге ниже замка. Там ее заставили поклясться, что она не произнесет ни единого слова, которое могло бы вывести на след виновных. На этих условиях ей пообещали вернуть внучку и предъявить доказательства того, что это действительно Люсьена. Мадам де Валанжи поклялась на Евангелии. После этого ей рассказали нечто такое, после чего у старушки не осталось ни малейшего сомнения в том, что речь действительно идет о ее внучке. Следующей ночью на то же самое место под названием Зеленый зал привели девочку, не пожелав принять какое-либо вознаграждение за то, что заботились о ней четыре года, а также за путешествие, которое пришлось совершить, чтобы доставить малышку сюда. Вот почему никому не следовало задавать мадам де Валанжи ненужных вопросов, а также надеяться на то, что она когда-нибудь нарушит свою клятву. Кроме того, старушка заявила, что, поскольку ее внучка говорит сейчас на иностранном языке, по которому можно догадаться о месте, где она жила, Люсьена выйдет на люди, только когда забудет его.

Адвокат, господин Бартез, сказал мадам де Валанжи, что предосторожности, которые ее заставили соблюсти, могут стать серьезным препятствием в будущем, когда придется оформлять документы девочки, разве что можно будет предоставить неопровержимые доказательства ее личности.

— Я предъявлю эти доказательства, — ответила мадам де Валанжи. — Я располагаю достаточным их количеством, чтобы не иметь ни в чем сомнений. Те же доказательства, которые может потребовать закон, появятся в нужное время и в нужном месте. Я разрешаю говорить вам, что вы видели мою внучку, и прошу добавлять, что я в здравом уме и не приписываю ее возвращение чуду, что меня не обманывают и не используют в своих целях, наконец, что я знаю: это действительно Люсьена, и докажу это со временем. Люди должны

понять: я не могу и не хочу раскрывать секрет невинной особы, которая дорожит виновными и не желает выдавать их правосудию.

III

Вот все, что мне известно об обстоятельствах, сопровождавших мое вторичное появление в этом мире, ведь тем снова найденным ребенком была я. Теперь я стану говорить от своего имени и попытаюсь воспроизвести свои самые ранние воспоминания.

Наиболее отчетливое из них — это белое платье, вероятно, первое, которое я надела, и шляпка с розовыми лентами и цветами, венчавшая мои вьющиеся волосы. Вид этой одежды вскружил мне голову, но сейчас я не могу сказать, где это происходило, кроме того, что это было под открытым небом теплой лунной ночью. На меня надели пальтецо и отнесли меня в ущелье. Мне кажется, что нес меня мужчина, и я знаю, что рядом со мной шла женщина; я называла ее мамой, а она меня — дочкой.

Дальше перед моими глазами все плывет. Кажется, меня забрали и увели две другие, незнакомые мне женщины, и, несмотря на мои крики, отчаяние и сопротивление, мать, которую я звала, не пришла мне на помощь. Полагаю, это было моим первым горем, и думаю, что оно было ужасным, ибо до сих пор не могу определить ни продолжительности, ни обстоятельств этого происшествия. Мне кажется, что я умерла на время, хоть мне и говорили, что я даже не была больна; однако я считаю, что в моей душе что-то погибло и мои чувства и мысли как бы замерли. Итак, то, что я поведаю вам об этом первом периоде, известно мне с чужих слов, и я могу ссылаться лишь на них.

Бабушка и кормилица — меня вернули именно им — несколько недель не могли добиться от меня ни одного слова по-французски. Этот язык был мне непривычен, хоть меня и учили ему немного, поскольку я его понимала, а легкость, с которой я вновь овладела им, когда прошла моя тоска, доказывала, что я слышала его почти так же часто, как и другой язык или диалект, которым предпочитала пользоваться вначале. Считалось, что это всего лишь мой каприз; даже гораздо позже я упрямо не желала отвечать ни слова многочисленным посетителям, которые приходили полюбоваться на меня, как на

диковинку; как правило, это были моряки или путешественники, и они задавали мне вопросы на всех известных языках. После того как стало понятно, что такая докучливость лишь увеличивает мое сопротивление, меня оставили в покое, и бабушка приняла мудрое решение: больше не баловать меня лаской и не предупреждать все мои желания.

Однажды, когда меня повели гулять в Зеленый зал, я, видимо вспомнив о своей матери, снова подняла крик. После этого случая меня очень долго туда не водили. Мне позволяли играть в одиночестве в террасном саду, под наблюдением бабушки, которая вышивала, сидя в гостиной на первом этаже и притворяясь, будто вовсе на меня не смотрит. Бедняжка Дениза, которая обожала меня и которую я терпеть не могла, молча приносила мне сладости и оставляла их на ступеньках сада или на краю альпийской горки, внизу которой протекал ручеек. Я ничего не хотела брать из рук кормилицы и, прежде чем схватить лакомства, убеждалась в том, что на меня никто не смотрит. Я ни с кем не здоровалась, никого не благодарила. Я пряталась, чтобы поиграть со своей куклой, которая вызывала у меня восхищение, это я прекрасно помню; но как только кто-нибудь глядел на меня, я клала ее на землю, поворачивалась лицом к стене и стояла неподвижно, пока докучный наблюдатель не удалялся. Теперь я смутно догадываюсь, что вела себя столь грубо, потому что страдала. Может быть, мою душу терзали упреки, которых я не умела высказать? Вероятно, особенно меня ранило предательство той, кого я про себя называла матерью; возможно, я даже жаловалась на это: мне сказали, что иногда я говорила сама с собой на языке, которого никто не понимал.

— Если бы не это, — призналась мне позже кормилица, — мы бы подумали, что вы немая.

Возможно также, что я дичилась бабушки, наряд и прическа которой казались мне невиданным зрелищем. Прежде я, должно быть, росла в бедности, потому что роскошь, которая меня окружала, вызывала у меня изумление, смешанное со страхом.

Кажется, всех очень беспокоила моя угрюмость, которая длилась дольше, чем можно было бы ожидать от ребенка моего возраста. Кажется также, что переход от ожесточения к более благодушному настроению происходил довольно медленно. И вот наконец в один

прекрасный день меня, которой дали столько тепла и уделили столько терпения, сочли очаровательной. Не могу сказать с уверенностью, сколько мне тогда было лет, но к тому времени я совершенно забыла иностранный язык, свою неизвестную мать и фантастическую страну, в которой провела раннее детство.

Однако мимолетные образы все еще появлялись передо мной, и их я помню. Однажды меня привели на берег моря, которое было хорошо видно из нашего дома, хоть и находилось в пяти лье от него, ниже в долине. Издали я всегда смотрела на него равнодушно, но когда оказалась на берегу и увидела, как большие волны разбиваются о камни — море в этот день было беспокойным, — меня охватила безумная радость. Я не только не боялась пенных волн, мне хотелось побежать вслед за ними. Я собирала ракушки, которые нравились мне больше, чем все мои игрушки, и заботливо несла их домой. Мне казалось, что я нашла что-то такое, что принадлежало только мне и что я давным-давно потеряла. Вид рыбацких лодок тоже вызвал у меня видения из прошлого. Дениза, которая выполняла все мои прихоти, согласилась сесть со мной в рыбацью шлюпку. Сети, рыба, раскачивание лодки на волнах опьяняли меня. Вместо того чтобы держаться робко или же высокомерно, как я до сих пор вела себя в присутствии незнакомцев, я играла и смеялась вместе с рыбаками, как будто это были мои старые знакомые. Когда пришло время уходить, я расплакалась самым глупым образом. Дениза, отведя меня к бабушке, сказала ей, что уверена: я воспитывалась с рыбаками. Казалось, соленая вода знакома мне так же хорошо, как маленькой чайке.

И тогда моя бабушка, которая пообещала не искать моих похитителей, но отнюдь не отказалась от попыток узнать о моей прежней жизни — увы! у меня уже была прежняя жизнь! — задала мне множество вопросов, на которые я не смогла ответить. Я ведь уже ничего не помнила, но поскольку бабушка часто к этому возвращалась (особенно когда Денизы, которой она запретила меня расспрашивать, не было рядом), у меня начали появляться о себе такие мысли, которые, конечно же, никогда не пришли бы в голову другим детям. Я думала, что не такая, как все, ведь вместо того, чтобы рассказать мне, кто я и кем была раньше, меня просили открыть эту тайну. Я выдумывала разные истории о себе, а поскольку Дениза рассказывала

мне перед сном множество благочестивых легенд попеременно с волшебными сказками, мое бедное воображение неистово работало. Однажды я уверила себя, что явилась из фантастического мира, и совершенно серьезно заявила бабушке, что сначала была маленькой серебряной рыбкой и большая птица унесла меня на верхушку дерева. Там мне явился ангел, который научил меня летать в облаках, но злая фея сбросила меня в Зеленый зал, где волк хотел меня съесть, а я пряталась под большим камнем до тех пор, пока Дениза не пришла за мной и не надела на меня красивое белое платье.

Бабушка, понимая, что я несу вздор, испугалась, как бы я не сошла с ума. Она сказала, что я лгу, а поскольку я продолжала настаивать на своем, поклялась, что все это мне приснилось, и перестала меня расспрашивать. Болезнь эта не была тяжелой, но я не смогла от нее избавиться. Я была не лгуньей, а выдумщицей. Реальность не удовлетворяла меня, в мечтаниях я искала нечто более странное и привлекательное. Такой я и осталась, и это послужило причиной моих несчастий, а может, стало источником сил.

IV

Думаю, мне было лет семь или восемь, когда я познакомилась с мсье Фрюмансом Костелем. Ему тогда было девятнадцать или двадцать. Это был сирота, племянник нашего приходского кюре. Станным приходом была эта деревня Помме!.. Но, упомянув о Фрюмансе, я не могу не описать места, где отыскала его бабушка, чтобы доверить ему мое воспитание, ибо хотя особа, для которой я пишу эти строки, хорошо знает мою родину — Прованс, мне не удалось бы рассказать ни об одном событии, не поместив его в определенные рамки.

Немногочисленные деревушки в наших горах традиционно считаются остатками древнеримских колоний, впоследствии захваченных, разграбленных и занятых сарацинами, у которых позднее их отобрали местные жители. Что же это за местные жители? Трудно представить, чтобы в этих диких убежищах, затерянных среди бесплодных оврагов, мог обитать кто-нибудь, кроме колонистов-авантюристов или пиратов, утомленных грабежами. Говорят, однако, что эти места, сегодня столь пустынные, приносили большие доходы в те времена, когда драгоценные насекомые, дающие пурпур, жили в листве карликового дуба, который ботаники называют кермесовым. Что стало с пурпуром? С насекомыми? Что случилось с великолепием наших берегов? Земли, которые мы обрабатываем, в основном представляют собой узкие, разделенные на части потоками плодородные участки, пересыхающими на три четверти года, и скудные плантации оливковых деревьев, расположенные на нижних горных террасах. Долина Дарденны, где круглый год есть вода — это оазис в пустыне, а окружающая ее местность — хаос живописных скал и горных карнизов, плоских, каменистых, на которые больно смотреть и по которым трудно ходить. Неподалеку от нашего прихода все-таки есть кое-какая растительность и красивые холмы. Округлая вершина горы, возвышающаяся над ними, покрыта тонким слоем зелени; в мае она очаровательна, но к июлю полностью выгорает на солнце. Есть там также источник и ручеек, впадающий в Дарденну. Деревня состоит из

пяти десятков домов, разбросанных по крутому склону холма, и маленькой церкви; кюре в ней и был мсье Костель, дядя Фрюманса.

Никогда не забуду первой встречи с этим кюре. Поскольку деревня была расположена на склоне ущелья прямо напротив нас, а чтобы пересечь Дарденну по скалам и подняться с другой стороны холма, нужны были не такие ноги, как у моей бабушки, нам пришлось бы сделать большой круг, чтобы добраться туда в карете, и даже тогда дорога была бы очень трудной. Поэтому бабушка добилась, чтобы мессу проводили в маленькой часовне Белломбра. Кюре из Помме, отслужив короткую мессу перед своими прихожанами, ловко спускался по крутому склону, пересекал маленькие тропинки в долине, а после, с позволения своего епископа проведя у нас вторую небольшую мессу, сел за стол и моя бабушка и Дениза, которые очень о нем заботились и к тому же вручали ему небольшую плату за эту дружескую услугу, кормили мсье Костеля великолепным обедом.

Этот славный кюре был прекрасный ходок и прекрасный едок. Он был высокого роста, сухопарый, желтый и очень неряшливый, но образованный и остроумный — а также бедный и голодный. Думаю, больше всего ему не доставало религиозного пыла, ведь он никогда не говорил о божественном, если только не служил мессу. Да и не следовало разговаривать с мсье Костелем за столом, ибо у нас он, безусловно, наедался на неделю вперед.

Однажды кюре сообщил нам, что вследствие несчастного случая вынужден оставаться дома и не сможет отслужить у нас мессу. То был, хоть мсье Костель еще и не знал этого тогда, первый приступ подагры. Бабушка заявила, что мы не подвергнемся вечному проклятию, если один раз пропустим мессу, но Дениза, которая была более набожной, попросила у нее разрешения отвести меня в Помме. Я была уже достаточно взрослой, чтобы совершать продолжительные прогулки, и достаточно ловкой, чтобы перепрыгивать с камня на камень. Все забывается, и моя бабушка запомнила, что Дениза уже потеряла меня однажды и после этого случая не всегда была в здравом рассудке.

И вот мы бредем по полям и лугам. Было лето. Широкое русло Дарденны превратилось в мелкие лужицы и узкие дрожащие ручейки. Мы легко смогли перейти ее в первом же выбранном наугад месте, не замочив обуви; потом мы проследовали между оливковыми деревьями,

между соснами, по ухабистым дорогам и наконец, в полном здравии, оказались на маленькой отлогой площадке и подошли к полуразрушенной церкви нашего прихода.

Проделав пешком весь этот путь, считавшийся весьма утомительным, я была вне себя от радости и гордости, но при виде деревни вдруг испытала огромное удивление и безотчетный страх. Половина домов оказалась разрушенной, а остальные строения были заперты, и уже давно. Виноградная лоза и плющ обвили окна и двери, и для того, чтобы войти в эти дома, пришлось бы обрезать эти растения серпом. На улице не было ни телег, ни животных, ни людей.

Когда я сказала об этом Денизе, она ответила, что это заброшенная деревня — в ней осталось всего пять жителей, вместе с мэром, кюре и полевым сторожем. А поскольку в тот день мэр был в Тулоне, а полевой сторож заболел, кюре служил мессу один в пустой церкви. Впрочем, сказав «один», я ошиблась: ему прислуживал дьякон, высокий парень, такой же сухопарый и желтый, как и кюре; это был не кто иной, как мсье Фрюманс Костель, его племянник.

Пустая церковь и заброшенная деревня произвели на меня большое впечатление, а поскольку я не была набожной (в отличие от Денизы, которая была слишком уж религиозна и из-за этого частенько меня раздражала), то во время мессы непрерывно размышляла о романтических или ужасных событиях, в результате которых, вероятно, Помме осталась без жителей. Может быть, эту местность опустошила чума, свирепствовавшая когда-то в наших краях? Мне говорили об этом, но я имела весьма смутное представление о датах. А вдруг всему причиной волки, воры или проклятие какой-нибудь колдуньи? Мой мозг работал так усердно, что я испугалась, и мои глаза стали искать на пороге церкви какое-нибудь чудовище. Высокая трава, черные гирлянды сассапарили, свисавшие с выщербленной аркады, слегка шевелились на ветру, вызывая у меня дрожь.

К счастью, месса длилась недолго. Вскоре кюре отвел нас к себе домой, и я испытала одновременно разочарование и облегчение, когда он сказал мне, что со времен сарацин эту деревню не захватывали, не грабили, не жгли, что люди не были убиты нападавшими или съедены волками. Она опустела потому, что местность становилась все менее плодородной, а пути сообщения были в плохом состоянии, и молодежь

переселилась на берег моря, где, со вздохом говорил кюре, есть работа для всех. Старики со временем умерли. Небольшое количество плодородных земель, принадлежавших отсутствующим, взял в аренду пятый житель, честный крестьянин-вдовец, который вместе с мэром, кюре, Фрюмансом и полевым сторожем составлял теперь население этой деревни. Это была не единственная деревня в этих краях, покинутая обитателями. Высоко в горах были даже целые старые города, жители которых спустились к морю или поселились в долинах.

Дом священника находился в ужасном состоянии, и я смутно припомнила жалкие убежища из своего полузабытого детства. Мне почудилось, будто я не впервые в этом доме. Возможно, моя приемная мать, приведя меня в Белломбр, нашла себе здесь временное убежище?

V

У кюре не было прислуги, ее обязанности исполнял его племянник, и делал это очень плохо: бедный дом священника напоминал трущобы. Нас захотели угостить завтраком, и за яйцами не пришлось далеко ходить, ведь куры неслись прямо на кроватях. Фрюманс из кожи вон лез, пытаясь найти еще что-нибудь съестное, но Дениза успокоила его, раскрыв корзинку с провизией, которую принесла с собой. Я ужасно проголодалась и очень боялась, как бы кюре не позаимствовал часть моего обеда (причем я знала, что часть эта будет не маленькой), однако, хотя Дениза предложила ему поесть, он скромно отказался. Все-таки я никак не могла успокоиться, глядя на то, как его верзила племянник, похожий на призрак, вытаскивает из корзинки нашу еду и вертится вокруг нас с голодным видом. Мне были еще неведомы гордость и сдержанность этого человека.

Несмотря на то что Дениза почитала особ духовного звания, она любила чистоту и заявила, что я привыкла есть на свежем воздухе. Мы отправились завтракать на уступ скалы, который считали здесь приходским садом. Там в тени ююбы росла скудная травка... Вскоре, однако, дождь заставил нас вернуться в церковь. Разразилась ужасная гроза, и мы не могли вернуться домой, пока она не закончится. Добрый кюре волновался о том, как мы будем идти в Белломбр сразу после ливня, ведь тропа станет труднопроходимой, а Дарденна опасной. Он сильно хромал и не мог нас проводить, поэтому поручил это племяннику.

Все было хорошо, до тех пор пока мы не начали переходить через поток, который, хоть и не выглядел слишком уж опасным, намочил камни, из-за чего они сделались очень скользкими. Фрюманс вызвался перенести меня на руках, но я чувствовала себя маленькой принцессой, а его черный воскресный наряд был таким грязным, а темная шевелюра — даже в воскресенье — такой всклокоченной, что этот человек вызывал у меня непреодолимое отвращение. Я отклонила его предложение, выказав больше ужаса, чем вежливости, и, взяв Денизу за руку, рискнула ступить на камни, по которым с шумом

начинала стекать вода. Когда мы дошли до середины, мне показалось, что Дениза дрожит. Я вообразила, что у нее началось головокружение и она ведет меня не туда, куда следует, и, изо всех сил потянув служанку в противоположную сторону, чуть было не свалила ее в воду.

— Ну что вы? Не ссорьтесь, идите вперед! — закричал Фрюманс, следовавший за нами.

Его слова заставили меня посмотреть вверх по течению реки. Она расширилась, помутнела и гнала перед собой клочья желтой пены, которые грозили вот-вот нас настигнуть. Дениза потеряла голову от страха и стала искать меня справа, в то время как я была слева, а я уж и не знаю, что делала. Я была очень испугана, но не хотела этого показать. Возможно, нам грозила опасность, когда Фрюманс торопливо протиснулся между нами и схватил Денизу за руку, а меня поднял как перышко и посадил себе на плечо, как будто я была маленькой обезьянкой. Таким образом он вывел нас на берег, подталкивая и подгоняя мою растерянную кормилицу и почти не обращая внимания на мою досаду, вызванную тем, что меня несут, как малое дитя, а я ведь считала себя уже взрослой.

Я была весьма неблагодарной. Бедного юношу, пытавшегося уберечь меня и Денизу, окатило волной; он промок до колен и был забрызган до пояса речным илом. Но Фрюманс не обратил на это внимания: он был в восторге от того, что ни одна капля грязи не попала на мое розовое платье, и продолжал нести меня до самого замка, твердя, что я устала. Я была в ярости, но не решалась сопротивляться, ведь, соскользнув на землю, я испачкала бы свое розовое платье о его мокрую одежду. В эту минуту я ненавидела Фрюманса, и если бы не отвращение, которое внушала мне его кудрявая шевелюра, я бы с радостью вырвала у него клочок волос. Вот как я познакомилась с человеком, который стал впоследствии лучшим другом моей юности.

Мы встретили людей, вышедших нам навстречу. Бабушка была очень обеспокоена; она ждала нас возле террасы. Дениза, весьма любившая преувеличения, представила своей хозяйке Фрюманса как образец преданности и сказала, что он спас нас от верной смерти. Бабушка встретила племянника кюре с отменным гостеприимством: она распорядилась, чтобы гостя уложили в постель с горячей грелкой и принесли ему горячего вина. Фрюманс, смеясь, поблагодарил ее,

высушил одежду у кухонного очага и вернулся, чтобы попрощаться с нами, но было время обеда и мы не захотели отпускать юношу голодным. Его пришлось долго уговаривать. Наконец наш гость сдался, и оказалось, что он, в отличие от дяди, весьма умерен в еде.

Не будучи робким, Фрюманс вел себя довольно сдержанно, и навязчивое внимание Денизы его, видимо, раздражало. Когда во время десерта мы с бабушкой остались с гостем наедине, он стал отвечать на наши вопросы несколько подробнее. Бабушка расспрашивала его с такой мягкостью и добротой, что Фрюманс решился наконец рассказать о себе.

— Вы оказываете мне большую честь, — сказал он ей, — называя меня «мсье Костель». На самом деле я не родственник вашего доброго кюре. Я найденш, да, в прямом смысле этого слова: он нашел меня на пороге своего дома. Мсье Костель окрестил меня и отдал кормилице. Он воспитал меня. Он называет меня приемным племянником и хочет, чтобы я носил его имя: говорит, это единственное, что он может мне оставить в этом мире.

— Вот, — сказала бабушка, — прекрасный поступок, который кюре, этот достойный человек, скрывал от меня.

— Тем более прекрасный, — подхватил Фрюманс, — что ему пришлось за это дорого заплатить.

Поскольку далее наш гость пустился в такие подробности, которых мне не следовало понимать, бабушка попросила меня пойти сорвать несколько крупных ягод клубники, которую Дениза забыла подать к столу, и пока я была в саду, Фрюманс рассказал о том, что я узнала позднее. В то время, когда Фрюманс был найден кюре, у того недалеко от Пьерфе был не такой уж маленький приход. После появления подкидыша у его дверей никто и не думал подозревать что-то плохое или сомневаться в том, что мсье Костель приютил малыша исключительно из милосердия. Все знали о высокой нравственности кюре, да и ни одна сельская девушка не вызывала в то время подозрений. Прошло несколько лет, и на мсье Костеля пожаловалась старая ханжа из его прихода — мол, он толкует Евангелие, как протестант или атеист. «Это отъявленный галликанец⁵. Он чаще читает газеты, чем произносит проповеди, хвастается тем, что он

более эллинист, чем христианин, ну и, наконец, приютил ребенка, отец и мать которого неизвестны. Все это доказывает, что мсье Костель — человек весьма сомнительный».

Епископ не оставил этот донос без внимания. Он вызвал к себе мсье Костеля и, обещая быть снисходительным, призвал его признать свои ошибки. Кюре был очень гордым человеком, несколько порывистым и, к несчастью для себя, никудышным дипломатом. Он отвечал епископу чересчур откровенно и высокомерно. Мсье Костеля подвергли опале, выслав в эту жалкую деревушку Помме, где доходов не было вовсе и царила нищета.

Собирая клубнику, я думала о том, что рассказал Фрюманс в моем присутствии. Я еще не понимала, что имеют в виду, когда говорят о найденыше, но поскольку мне было известно, что я сама была найдена в Зеленом зале, я подумала, что Фрюманс, как и я, жил какое-то время таинственной, сверхъестественной жизнью. Это несколько возвысило его в моих глазах, и мне захотелось услышать, о чем он рассказывает моей бабушке. Я была уверена, что Фрюманс говорит о феях и духах.

Когда я принесла клубнику, он повествовал о серьезных занятиях, к которым мсье Костель приучил его в затерянной деревушке, и бабушка широко раскрыла глаза от удивления, узнав, что дядя и племянник совершенно счастливы благодаря книгам и учебе, которая полностью поглощала их внимание и делала неуязвимыми к тяготам нищеты и страху уединения.

— Но как же так вышло, — вопрошала она, — что вы, судя по всему, такой образованный и трудолюбивый человек, не стали искать занятия, которое позволило бы вам немного облегчить жизнь бедного дорогого кюре?

— Я несколько раз пытался давать уроки в городе, — ответил Фрюманс, — но он слишком далеко. Я терял целый день на дорогу, ну и к тому же... был недостаточно хорошо одет. Человеку, на лбу у которого написано «нищета», почти ничего не платят. Я попытался устроиться учителем в колледже, но мне пришлось оставить своего бедного дядюшку одного в горах, а через месяц, навестив его, я увидел, что он сдал и сильно страдает от одиночества, и испугался, что он заболит. Дядюшка нанял служанку, с которой не мог найти общий язык. Праздность женщины, которой не с кем поговорить, становится

несчастьем для ученого человека, который не любит пустой болтовни. Мсье Костеля мало заботило то, как ведется домашнее хозяйство. Он так привык довольствоваться малым! Мое отсутствие оказалось для него гораздо более тягостным, чем та польза, которую приносил мой скромный заработок. Однажды дядя откровенно сказал мне об этом, и я решил больше с ним не расставаться. Я прислуживаю ему во время мессы (что позволяет мсье Костелю обходиться без дьякона), ухаживаю за козой и курами, с грехом пополам чиню его обувь, а один старый матрос даже научил меня штопать рукава. Что поделаешь? Мы кое-как сводим концы с концами; бедность не так ужасна, как ее себе представляют!.. Однако я злоупотребил терпением, с которым вы меня слушаете, сударыня; я должен вернуться к своему дорогому дядюшке, который, если я запоздаю, будет беспокоиться обо мне точно так же, как вы беспокоились о своей внучке.

С этими словами добрый малый взял свою ужасную шляпу, которую перед этим скромно положил на пол в углу, и вышел, попрощавшись со мной, как с взрослой, что еще больше примирило меня с ним.

— Идите по дороге на мельницы! — крикнула юноше бабушка с террасы. — Не переходите реку вброд! Я вижу отсюда, что вода сильно поднялась.

— Ну что со мной случится? — ответил он ей с улыбкой. — Пройти можно везде!

Фрюманс словно хотел сказать, что он слишком незначительная особа и реке вряд ли захочется его утопить.

Я была настолько жестока, что заметила вслух, что ему не мешало бы принять ванну.

— Дитя мое, — сердито сказала мне бабушка, — легче отмыть человека от грязи, чем очистить злую душу!

— А что, разве у меня злая душа? — спросила я озадаченно.

— Нет, боже упаси! — ответила бабушка. — Но, сами того не понимая, вы произнесли жестокие слова. Сегодня утром этот юноша вас спас. Вам не кажется, что, возвращаясь домой, он рискует жизнью?

— Но зачем же он это делает, бабушка? Он вполне мог бы остаться здесь до завтра.

— Тогда бы кюре всю ночь волновался, а вы же видите, что мсье Фрюманс любит своего дядю больше жизни.

Я понимала, что бабушка преподавала мне урок. Она никогда открыто не поучала меня, и я догадалась, что она хотела мне сказать. Но для Денизы я была кумиром и, избалованная ею, иногда пыталась противиться бабушкиным наставлениям. Возможно, из-за этого я выглядела неблагодарной, хоть и не была испорченной. Возможно также, что еще в детстве я узнала, что такое страдания, и вследствие этого в моем характере появилась некая раздражительность, в чем я не отдавала себе отчета.

В следующее воскресенье кюре снова появился у нас и бабушка стала упрекать его за то, что он не привел с собой племянника.

— Мсье Фрюманс помогал бы вам во время мессы гораздо лучше, чем мой садовник, — сказала она, — и к тому же нам было бы приятно с ним повидаться. Он нам очень понравился.

Кюре ответил, что его племянник находится недалеко отсюда: видя, что его дядюшка все еще немного хромает, славный юноша решил проводить его до брода, но слишком застенчив, чтобы явиться в замок, не будучи приглашенным.

— Нужно послать за ним! — воскликнула бабушка. — Я поручу это Мишелю.

И добавила, многозначительно глядя на меня:

— Мсье Фрюманс прекрасно вел себя с моей внучкой, а Люсьену нельзя назвать неблагодарной.

Я разгадала упрек и более из гордости, чем по доброте душевной, попросила разрешения пойти вместе с Мишелем, чтобы передать мсье Фрюмансу бабушкино приглашение.

— Да, девочка моя, это будет правильно, — сказала бабушка, целуя меня. — Ступайте. Мы не будем садиться за стол — подождем мсье Фрюманса; господин же кюре получит аванс, ведь он, наверное, очень голоден.

Я ушла со слугой. В пятидесяти шагах от дома мы увидели мсье Фрюманса — он удил рыбу, держа на коленях книгу. Племянник кюре снял пиджак и сидел в порванной белой рубашке. Однако в таком одеянии он показался мне менее отвратительным, чем когда на нем был пиджак с грязным воротом, и я исполнила поручение бабушки довольно любезно. Сначала казалось, будто Фрюманс недоволен тем, что его побеспокоили, но, зная, что его ждут, он отдал Мишелю

пойманных рыбешек и протянул мне руку, собираясь подняться в замок. Эта рука, которой он только что брал рыбу, мне вовсе не нравилась. Я ответила, что мне не нужна помощь, и, чтобы доказать это, побежала вперед резво, как козленок.

Поскольку время от времени я оборачивалась, чтобы убедиться в том, что Фрюманс идет за мной, я каждый раз встречала его взгляд, устремленный на меня с наивным восхищением, а затем услышала, как он говорит слуге:

— Что за ребенок! Никогда не видел более красивой и очаровательной особы.

Бедняга Фрюманс! Мне он казался уродливым и противным, и я с трудом скрывала это от него, в то время как я сама казалась ему милейшим созданием на земле!

Не знаю, благородство ли его сердца заставило меня покраснеть, а может быть, мне польстило восхищение, которое я внушала Фрюмансу, но мне вдруг стало казаться, что он вовсе не животное, и, может быть, инстинктивно, я демонстрировала ему легкость своего бега и грациозность движений. Теперь я могу признаться в этом без стыда. Позже я поняла: все дети слегка кривляки; они упиваются похвалами, как дикари.

⁵ Галликанство — религиозно-политическое течение, сторонники которого добивались автономии французской католической церкви. (*Примеч. ред.*)

VI

Во время моего отсутствия кюре, отдавая должное авансу в виде обеда, расхваливал перед бабушкой благородство и прочие редкие качества своего приемного племянника. По его словам, Фрюманс был кладезем премудрости, ангелом скромности и самоотверженности. Намного позже я поняла, что кюре ничуть не преувеличивал. Моя бабушка, воплощение милосердия и заботливости, вознамерилась помочь Фрюмансу найти способ употреблять свободное время для улучшения жизни его дядюшки, но мсье Костель стал умолять ее ничего не предпринимать.

— Даже не говорите о том, чтобы нас разлучить, — сказал он ей. — Мы с Фрюмансом счастливы в нашем нынешнем положении. Бедность беспокоила меня настолько, что я начал думать: настанет день, и этого ребенка придется куда-нибудь пристроить, иначе он может ступить на скользкий путь. Ну так вот, это время так и не наступило. Фрюмансу уже двадцать лет, и он ни разу не скучал в моем обществе, а значит, ему не приходили в голову дурные мысли. Он мудр, как философ, и чист, как родник; у него отличное здоровье, и он легко ко всему привыкает. Моего жалованья вполне хватает для нас двоих, а поскольку — уж не знаю, прав я или нет, — я не одобряю, когда духовное лицо требует оплаты за свою службу, меня не беспокоит, что доход от моего прихода равен нулю. Фрюманс все же кое-что зарабатывает. Он неплохо разбирается в сельском хозяйстве, и мэтр Пашукен время от времени нанимает его на поденную работу — подрезать оливковые деревья и собирать урожай.

Мэтр Пашукен был пятым обитателем Помме, человеком, который арендовал земли отсутствующих обитателей деревни.

Бабушка, узнав о Фрюмансе так много нового, принялась подыскивать для него менее утомительную работу, которая не разлучала бы его с дядей, но все, что она предлагала в это и следующие воскресенья, было отвергнуто двумя отшельниками. Из гордости или беспечности они всегда находили предлог не менять своего положения. Моя бабушка жалела, что не столь богата, чтобы

позволить себе роскошь иметь собственного духовника, иначе забрала бы к себе дядюшку, а в придачу и племянника. Когда она говорила о том, как огорчена по этому поводу, в присутствии Денизы, та качала головой. Мало-помалу наша служанка обнаружила (или же ей так показалось), что Костели не слишком набожны. Она была чересчур невежественна, для того чтобы с ними спорить, но чувствовала, что ее любовь к чудесам не поощряется кюре и вызывает смех у Фрюманса.

Бабушка очень хорошо относилась к Денизе и подчеркивала свое к ней уважение, но у них были разногласия в вопросах религии. Хоть одна и та же вера объединяла их у подножия одного и того же алтаря, различное толкование религии толкало их в противоположные стороны. Бабушка не хотела, чтобы духовные особы, не ограничиваясь отправлением культа, по любому поводу вмешивались в общественную жизнь. Дениза, все больше впадавшая в мистицизм, не соглашалась с тем, что можно быть честным и приносить пользу в этом мире, не трудясь прежде всего на благо Церкви. В ее понимании это означало посвящать все свое время украшению часовен и обряжению Мадонн. Дениза со страстью относилась к этому и, сама того не ведая, постепенно становилась идолопоклонницей. Вначале бабушка опасалась, что служанка собьет меня с толку, а позже стала бояться, как бы вследствие презрения к суетной мелочности этой бедной женщины я не потеряла веру, но затем успокоилась, видя, что я слушаю и люблю лишь ее одну. Забыв свою неизвестную приемную мать, я безраздельно полюбила бабушку и всегда ей подчинялась.

Я опускаю период, во время которого ничего особенного не происходило, вплоть до начала моего обучения. Мне позволяли жить так, как я хочу, поскольку это посоветовал врач. Когда меня возвратили бабушке, я была, как говорят, маленького роста, но крепкой и хорошо сложенной, однако перемена образа жизни или же климат сделали меня более хрупкой. Поэтому в первый год после возвращения меня не стали учить читать. А когда позже мне показали буквы, обнаружилось, что я бегло читаю, хотя, то ли из лени, то ли из хитрости, ни разу этим не похвасталась.

Причиной моего замедленного развития во многом стала местность, в которой мы жили. Это была настоящая пустыня. У нас не было близких соседей, новости из Тулона приходили к нам уже

устаревшими, и моя бабушка настолько привыкла жить с отставанием от общего ритма, что испугалась бы, если бы ее заставили интересоваться настоящим, которое для нее всегда было прошлым. Когда привыкаешь вот так пассивно воспринимать свершившиеся события, нет надобности их комментировать и никто не берет на себя труд как следует их понять, происшедшее принимают к сведению с фаталистическим равнодушием. В этот период некоторые кантоны на юге Франции были в этом смысле чем-то похожи на страны Востока.

Даже окружающий пейзаж оказывал отупляющее влияние на рассудок. Долина Дарденны — один из редких оазисов в департаменте Вар, но люди, бывавшие в центральных и северных провинциях Франции, все равно считают его довольно сухим. Наш замок расположен в наиболее орошаемой и свежей части ущелья, но окружающие его голые горы с пепельными хребтами и вершинами из белого известняка обжигают взор и заставляют разум каменеть. Между тем это все-таки красивая местность, с резкими линиями, открытая солнцу, суровая, без изящества и шарма, но зато и без всякого кокетства, мелочности, манерности. Понятно, за что ее любили мавры: она как будто создана для этих суровых людей, не стремящихся к лучшему и живущих с осознанием незыблемости судьбы. Наши места также сравнивают с Иудеей, колыбелью учения, отвергающего земные наслаждения и ищущего на вершинах лишь мечту о бесконечности.

Не сумею рассказать о своих первых впечатлениях. Я не могла их осознать, но отлично знаю, что из года в год Прованс оказывал на меня влияние, подавляющее интеллект, если можно так выразиться, и одновременно моя личность, пытаюсь как-то реагировать на это, бушевала во мне, будто гроза без молний. Этим объясняется моя склонность к мечтательности и застою в том, что касается аналитических способностей.

Белломбр — старинное владение маркизов, фамилии, сегодня уже угасшей. Муж моей бабушки, славный провансальский дворянин и уважаемый морской офицер, купил это поместье до Революции, и его вдова никогда более отсюда не выезжала. Она вышла замуж поздно и через несколько лет потеряла мужа. Большую часть жизни она прожила в одиночестве, а поскольку сын оставил ее, когда ему было шестнадцать, она пятнадцать лет жила одна-одинешенька, а найдя

меня, перенесла на меня всю свою привязанность. Привычка к одинокой жизни, беспечной и смиренной, способствовала ее стремлению к уединению, поэтому моя бабушка была не очень общительна. Хрупкое здоровье было еще одной причиной, по которой она не любила перемены мест, и, хотя сердце ее было чрезвычайно нежным и преданным, она устанавливала между собой и объектами своей любви невидимую границу. Бабушка говорила мало и в свои семьдесят лет поражала какой-то странной робостью. Почти не получив образования, подобно большинству дочерей аристократов своего времени и края, она избегала говорить на темы, по поводу которых побоялась бы высказать свое мнение, ну и, раз уж приходится быть откровенной, она считалась особой приятной, хорошо воспитанной, гостеприимной и мягкой, но абсолютно ничтожной. И это было чрезвычайно несправедливо, ведь ее суждения были здоровыми, оценки деликатными и благородными, и даже разговор приятен, когда она чувствовала себя непринужденно. Отсутствие инициативы объяснялось ее болезненностью, инертным окружением, деспотизмом привычки, а вовсе не отсутствием талантов. Впрочем, даже если бы она способна была только любить, разве не было бы кощунством заявлять о ничтожности этой благородной души?

Я должна была это высказать, раз и навсегда, для того, чтобы никто не удивлялся полной независимости, в которой я воспитывалась, и для того, чтобы терпимость моей бабушки не восприняли как моральную апатию. С ее стороны это было скорее хорошо обдуманное решение, а с возрастом стало необходимостью. Моя бабушка старалась жить как можно осторожнее, боялась ветра, жары, пыли, неприятностей нашего сурового климата, не особо нуждаясь в движении или же отчаявшись бороться с усталостью. Она тихонько жаловалась на свое состояние и ни за что на свете не хотела бы, чтобы я повторила ее судьбу. Бабушка тревожилась, если видела, что я спокойно сижу рядом с ней, и в любое время отправляла меня на свежий воздух, твердя, что солнце для детей — это и мать, и отец. Позже, из скромности упрекая себя в том, что не развивала свой интеллект, она стала подталкивать меня к развитию умственных способностей и радовалась, убеждаясь в том, что личность моя формируется гармонично. Правду сказать, я была очень

избалована, но хочу подчеркнуть, что так и было задумано — это не было результатом небрежного воспитания.

VII

Жилище моей бабушки было как бы необходимым обрамлением ее милой личности. В этом прочном квадратном старом доме, в очертаниях которого не было ничего примечательного, среди суровых скал, высившихся над руслом Дарденны, владелица замка понемногу создала для себя оазис покоя, тишины и свежести. Она не захотела продать свои старые деревья флоту, этому безжалостному врагу тенистой листвы на побережье. Дом ее был окутан тенью, и следовало сто раз подумать, прежде чем срезать ветку, грозившую оказаться прямо в спальне. Кроме того, вокруг дома разрастались виноградные лозы, жимолость, дикие розы, бегонии и жасмин, привезенный с Азорских островов, стебли которого на итальянский манер обвивались вокруг опор, украшавших аллеи террасного сада; гирлянды переплетались повсюду на натянутой проволоке, так что весь террасный сад был покрыт цветами и листьями. Низкорослых растений здесь не было — их выращивали на склоне холма. Бабушка жила под этим зеленым сводом; она особенно любила экзотические кустарники, семена которых когда-то, давным-давно, привез ей муж из дальних странствий, например китайский смолосемянник, превратившийся в настоящее дерево, гладкий черный ствол которого выходил за пределы террасы и слегка закрывал окна в гостиной, мешая любоваться величественным и спокойным морем (приходилось выходить из дома, чтобы посмотреть на него). Смолосемянник был так красив, весной на нем было столько цветов, он давал такую густую тень, и к тому же дерево этой породы было такой редкостью во Франции, что было бы кощунством даже обрезать его ветви.

Разумеется, террасный сад казался мне довольно тесным и ограничивающим движение. Мне больше нравилось ущелье Зеленого зала, в которое можно было спуститься через огород, когда вода стояла низко, но куда я любила проникать по узкому и опасному проходу между скалами, возвышавшимися над ним. Этот Зеленый зал представлял собой маленький амфитеатр, образованный остроконечными скалами, покрытыми растительностью. Дарденна

ниспадала небольшими водопадами, прыгая по высоким каменным уступам, разбросанным с дикой грацией, затем успокаивалась, образуя маленькое озерцо, и снова текла, возобновляя шум и прыжки. Это было восхитительное место, но не следовало спать там во время грозы, ибо внезапный прилив мог отрезать путь с обеих сторон. Мне запрещали ходить туда без сопровождения, поэтому, как только я оставалась одна, я непременно отправлялась в это место.

Ниже по течению реки, под нашим замком, стояла старая мельница, вода к которой поступала из канала, проведенного еще маврами и всегда содержавшегося в порядке; через него к нам шла вода из Дарденны. Благодаря ему поток у Зеленого зала всегда был полноводным. Соединяясь с ним, канал превращался в настоящую реку, воды которой заставляли работать другие мельницы, расположенные по дороге на Тулон. Ущелье, сильно наклоненное в сторону моря, спускалось к нему уступами, постепенно расширявшимися. У подножия длинной величественной горы Фарон, с того места, где был расположен наш замок, открывался вид на пространство, уходящее в невероятную глубину, окруженное высокими гордыми холмами и упирающееся в лазурную стену — Средиземное море.

В расположенном вдали укреплении каждый час стреляли из пушки: шумный вход кораблей в порт, сигналы, гудки десятки раз отдавались эхом в горах. Дарденна тоже часто ревела, когда грозы сердили ее и заставляли спускаться по большим естественным лестницам известняковых скал, поросших миртами и олеандрами. Этот контраст — внезапный оглушительный грохот и пустынный, однообразный пейзаж — составлял одно из моих первых детских впечатлений, которое я отчетливо помню. Позже я часто сравнивала его со своей внутренней жизнью, бурной, эксцентричной, на фоне жизни внешней, бедной событиями и монотонной.

Бабушка по-прежнему искала способ смягчить положение аббата ⁶ Костеля и его приемного племянника, и вдруг ей представился удобный случай. Одна из ее племянниц, которую она очень любила, умерла. Я впервые увидела, как моя дорогая бабушка плачет, и это очень меня взволновало. Однако покойная племянница, жившая в

городе Грассе, так редко нас навещала, что я едва ее помнила. Это была мадемуазель Артиг, бесприданница, вышедшая замуж за мужчину из рода Валанжи, жившего в Дорфине, человека очень высокомерного и бездарного, оставившего ее в бедности с малолетним сыном. Умирая, эта женщина выразила желание, чтобы моя бабушка позаботилась о ее единственном сыне, которому тогда было двенадцать лет, согласившись стать его опекуной. Наследство, оставленное покойной, составляло около тридцати тысяч франков, помещенных у нотариуса в Грассе.

Бабушка с признательностью приняла это новое бремя, и однажды утром юный Мариус де Валанжи приехал на дилижансе в Тулон. Слуга отправился за ним в двуколке, а мы в это время готовили для мальчика комнату и ужин.

Я очень радовалась при мысли о том, что у меня хотя бы на несколько недель появится товарищ для игр, и выбежала на дорогу встречать своего кузена. Я немного оробела, увидев, как, выйдя из кареты, он подошел ко мне, поцеловал мою руку с грацией и апломбом тридцатилетнего мужчины, а потом, взяв меня под локоть, повел в дом, осведомляясь о здоровье своей двоюродной бабушки, о которой слышал, что она лучшая из женщин, и с которой ему не терпелось познакомиться и обнять ее от всего сердца.

Не знаю, выучил ли мой кузен все это заранее, но он так красиво это говорил, выглядел настолько старше своего возраста, у него было такое милое лицо, такие красивые светлые вьющиеся волосы, такой безукоризненный стан в курточке из черного бархата, такая открытая шея в накрахмаленном воротничке, такие изящные ноги в коротких гетрах с блестящими пуговицами, в общем, он был такой красивый, такой вежливый, такой причесанный, физически и морально, что сразу же внушил мне высочайшее уважение и глубочайшее почтение.

— Это настоящий дворянин! — сказала бабушка Денизе, когда мальчик продекламировал перед ней свое вступительное приветствие, совершенно такое же, как то, что услышала я. — Вижу, он великолепно воспитан и не доставит нам никаких хлопот.

Но в глубине души бабушка, возможно, считала, что лучше бы он молча бросился в ее объятия и поплакал бы вместе с ней, вспоминая о матери, которая умерла совсем недавно.

[6](#) Во Франции слова *кюре* и *аббат* употребляются как синонимы.

VIII

Я же так не думала. Решив состязаться со своим кузеном в хороших манерах, я захотела доказать ему, что я вовсе не деревенская простушка, и с грациозной торжественностью начала показывать мальчику наш дом. Мы оба выглядели очень смешно. Бабушка была слишком умна и не могла не заметить этого. Она призвала нас быть менее напыщенными и предложила побегать перед ужином в саду.

Мариус не заметил насмешки. Он опять взял меня под руку (что весьма мне льстило), и мы стали степенно прогуливаться по аллее, причем, казалось, ничто не привлекало его внимания. Я так часто слышала похвалы нашим цветам и гирляндам, на итальянский манер подвешенным на тройном ряду столбов, нашим альпийским горкам с журчащими ручьями, великолепному виду, открывавшемуся с террасы, и красоте китайского смолосемянника, что постаралась привлечь к ним внимание гостя. Он сказал, что смолосемянник тяжел и черен, горки уродливы, колонны стары, а общий вид весьма странен.

— Почему? — спросила я.

— Не знаю, все выглядит чересчур глубоким, вроде широкой улицы. А эта синяя штука там внизу, это что, море?

— Да, вы должны были увидеть его по дороге в Тулон.

— Возможно. Я не смотрел туда. Так это и есть океан?

Я подумала, что он смеется надо мной. Неужели этот элегантный, хорошо воспитанный молодой человек не знает, что Прованс омывается Средиземным морем?

Я не решалась ответить, опасаясь, что мне не хватит остроумия, чтобы поддерживать его шутку, и спросила, не грустно ли ему было покидать свои края.

— Во все нет, — сказал Мариус, казалось, даже не вспомнив о том, что недавно потерял мать. — У меня были очень скучные учителя. Если моя двоюродная бабушка хочет, чтобы я жил в деревне, я с большой радостью буду кататься верхом на лошади и охотиться. У вас тут есть дичь?

— Да, мы часто ее едим. Так вы умеете стрелять из ружья?

- Разумеется. Я взял его с собой.
- Оно большое и тяжелое?
- Нет, но из него хорошо стрелять по куропаткам.
- Вы уже много птиц подстрелили?
- Да, я убил одну и одну ранил.

Кузен показался мне глупым, но я решила, что такое суждение слишком дерзко, а тут и звук гонга позвал нас к столу.

Как же чинно и красиво он ел, мой кузен! Он ни разу не вытер скатертью рот, как это делал мсье Фрюманс, его подбородок ни разу не был запачкан соусом, как у мсье Костеля, он ни разу не протянул руку, чтобы взять конфету или какой-нибудь фрукт из десертной тарелки, как мне еще случалось иногда делать. Мариус очень прямо сидел на стуле; он не оставил на своей вышитой рубашке ни пятнышка, был предупредителен и расхваливал блюда, беседуя со мной и с бабушкой. Дениза была в восторге, и на этот раз я была с ней согласна.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ